

Журавлиный крик

Из собрания сочинений

Альпийская баллада
Мёртвым не больно
Журавлиный крик
Волчья стая
Дожить до рассвета
Карьер
Круглянский мост
Обелиск
Одна ночь
Сотников
Знак беды

Василь Быков
Из собрания сочинений

ЖУРАВЛИНЫЙ КРИК

ФТМ

УДК 82/821-821.161.1
ББК 84(2)
Б95

Быков, В.

Б95 Журавлиный крик / В. Быков. – М. : T8RUGRAM /
Агентство ФТМ. – 432 с.

ISBN 978-5-519-62511-1

Книги, созданные белорусским прозаиком Василем Быковым, принесли ему мировую известность и признание миллионов читателей. Пройдя сквозь ад Великой Отечественной войны, прослужив в послевоенной армии, написав полсотни произведений, жёстких, искренних и беспощадных, Василь Быков до самой своей смерти оставался «совестью» не только Белоруссии, но и каждого отдельного человека вне его национальной принадлежности. В сборник вошли повести и рассказы «Журавлиный крик», «Болото», «Колокола Хатыни», «В тумане».

litagent.ru

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения правообладателя.

УДК 82/821-821.161.1
ББК 84(2)
BIC FV
BISAC FIC032000

© T8RUGRAM, 2018
© ООО «Агентство ФТМ,
Лтд.», 2018
© Текст. В.В. Быков,
наследники, 2018

ISBN 978-5-519-62511-1

Журавлиный крик

1

Выбравшись из мрачных, сырых поутру лесных дебрей, где они пробуждали половину ночи, Гусаков облегченно вздохнул: лес кончился, перед ними раскинулось поле. Над подернутой утренней дымкой стеной соседнего леса поднимался ярко-красный диск летнего солнца. Лучей от него еще не было в чистом, погожем, широко залитом багрянцем небе, краснота которого, однако, быстро тускнела, уступая натиску света и голубизны. В поле становилось светлее, стало видно, как полосы ржи чередуются с разными по ширине участками ячменя, пшеницы и картофеля, — как когда-то в доколхозной Западной Белоруссии, где больше года служил Гусаков. Но тут не Западная — тут должна быть Восточная, и эти нивы-полоски давно перепаханы тракторами, а земля обобщена в колхозы. Второй раз за минувшую ночь Гусакова охватила тревога: куда же они угодили? Первый раз встревожился, когда на огромном скошенном лугу, где они приземлились, никто их не встретил, никакого партизанского дозора там не было. Правда, не было и немецкой засады. В глухой темноте ночи они собрали свои поддуваемые ветром парашюты, потом изрядно провозились в болоте, пока затопили их в камышовых зарослях. Он набрал полные сапоги воды, а старшина Огрызков по пояс угодил в трясину. Впрочем, все это мелочи, день обещал быть погожим — высохнут. Хуже, что ночью невозможно сориентироваться, определить, где они очутились.

Долго задерживаться на лугу было опасно, и они наугад подались по перелескам на запад. Потом вышли на полевую дорожку, приведшую в большой смешанный лес, из которого к рассвету выбрались на это холмистое поле.

Подождав, пока сзади подтянутся спутники, Гусаков медленно пошел по меже среди ржи, звучно приминая намокшими сапогами васильки и ромашки. То и дело оглядываясь по сторонам, он старался вовремя заметить какую-нибудь неожиданность. Наибольшую неожиданность, конечно, следовало ожидать от людей. Люди могли быть разные — партизаны, подпольщики, но, наверное, немало и предателей, полицаяев, встреча с которыми не обещала ничего хорошего советскому командиру. Ночью все было проще, но как будет днем? Может, лучше пересидеть где-нибудь, сориентироваться и решить, куда двигаться дальше. Потому что стало очевидно: они оказались не там, где должны были оказаться. Но кто в том виноват? Конечно, виноваты летуны, как их иногда называли, им лишь бы сбросить, а там как хотите — хоть в плен к оккупантам. Они в своем штабе доложат, что задание выполнено, готовы наградные. Кто и как их проверит?

В поле пошли друг за другом — на дистанции безопасности, как и полагалось согласно партизанской инструкции, которую три дня перед вылетом изучал Гусаков. В инструкции было изложено все: как сориентироваться в лесу по пню спиленного дерева, как при сырых спичках разжечь костер, как правильно заложить толовую шашку под рельсы и много чего другого

— полезного и правильного. Но ничего не было сказано, что делать, если тебя не встретили там, где должны встретить. Или как отыскать в лесных дебрях нужную тебе базу, особенно если она засекречена? Обычно говорят: иди по компасу. Но чем может помочь компас, если неизвестно, где ты очутился после суматошной ночи? Остается разве что завернуть в ближайшую деревню и спросить у какой-нибудь тетki, где находится партизанская база. Вот положение! И это в первые сутки после приземления. Рожь кончалась, в конце нивы приветливо темнела крохотная березовая рощица, к которой и свернул Гусаков. Пожалуй, действительно, следовало остановиться, оглядеться и решить, что делать дальше.

Под березками лежала густая, росистая с ночи тень, место оказалось вполне укромное от постороннего глаза, хотя поодаль из-за ржи виднелись верхушки каких-то высоких деревьев — похоже, там была деревня. Неожиданная близость жилья, конечно, не могла не беспокоить Гусакова, который тем не менее устал опустился на мелкую в тени траву. Вскоре к нему подошел старшина Огрызков, статный крутоплечий молодой человек в юфтовых командирских сапогах. Ни о чем не спрашивая, скинул с плеча свой ППШ и, не снимая лямки тяжело нагруженного вещмешка, откинулся на траву. Молча отдыхая, они дожидались третьего из их группы — фельдшера Тумаши.

— Что? — хриловатым голосом произнес тот, подходя к березкам. — Перекур?

— А ты куришь? — переспросил его Огрызков. По-

знакомились они накануне вылета и теперь с понятным интересом присматривались друг к другу.

— Я-то не курю, — сказал Тумаш. — А вы курите?

— И мы не курим, — отозвался Огрызков. — Курить — здоровью вредить.

— Вот именно... Здоровье и партизану не помешает.

С виду это был обычный солдатский треп, беззаботная болтовня подчиненных, ничем конкретно не обеспокоенных. Вольготно вытянувшись на траве, они всем своим видом показывали, что всецело полагаются на него, потому что Гусаков — командир и должен обо всем позаботиться. Но он здесь мало что мог, не мог даже определить место своего нахождения. Расстегнув кирзовую полевую сумку, вынул из нее новый, еще не помятый лист карты, развернул его на траве.

— Ну что там? — небрежно спросил Огрызков. — Далеко еще топать?

— Сперва надо определиться, — ответил Гусаков. — Это как минимум.

— А максимум?

— А максимум — тот же минимум, — не вдаваясь в подробности, объяснил командир

— Да-а... Раздолбаи летуны...

Наверно, раздолбаи, старшина прав — об этом командир думал весь остаток прошедшей ночи. Летчики их подвели. Потому что невозможно себе представить, что обманули партизаны, не встретив их в установленном месте. Такого не могло случиться... Хотя, пожалуй, могло, вдруг подумал Гусаков, на войне случается разное, она полна самых невероятных случаев. Рабо-

тая в штабе, он уже был наслышан о замечательных проделках как летчиков, так и партизан. Но и Огрызков должен был об этом кое-что знать. Хотя старшина за линию фронта отправлялся впервые, но служил в диверсионно-разведывательном отделе, где чему-то, наверное, учили. Другое дело фельдшер Тумаш.

— Доктор, ну как прыгнул? — словно уловив мысль командира, обратился к фельдшеру старшина.

— Да прыгнул! — нехотя ответил Тумаш. — Хорошо, что ночью, — ни черта не видать. А днем все могло быть.

— Потому и сбрасывают ночью. Чтоб не увидел, как грохнешься.

Они переговаривались вроде беззаботно, хотя лица обоих были заметно напряжены, оба украдкой поглядывали на командира — ждали, что скажет он. Несколько минут Гусаков изучал карту, и его беспокойство усиливалось — ни одного знакомого ориентира на карте не было. Ни луга, куда они приземлились, ни леса, который перешли, ни дороги, ни поля. Явно не тот лист карты. Но попасть им следовало именно в те, нанесенные на карту места. В том-то и состояла незадача.

— Старшина, — со сдержанной решимостью произнес Гусаков. — Пойдете в деревню.

— Это куда?

Не стронувшись с места, на котором он лежал, Огрызков насторожился.

— Вон за полем. Узнать, как называется.

Старшина приподнимался устало и неохотно. Сидя, вдел руки в лямки вещевого мешка, потом встал на од-

но колено, затем на другое.

— Вещмешок оставь, — сказал командир. — Тумаш возьмет.

Сбросив с плеч тяжелый, набитый толом вещевого мешок, с автоматом в одной руке старшина ленивой походкой пошел по меже вдоль ржаной нивы. Из-под нависших ветвей Гусаков проследил, пока тот не скрылся за рожью.

— Да-а, — неопределенно произнес Тумаш. — Сварил кашу. Как теперь быть?

В вопросе фельдшера послышался тайный упрек ему, командиру, словно он был виновником происшедшего. И командир не ответил. Своей вины в их неудаче он не чувствовал, а обсуждать чужую вину ни с кем не хотел. Тем более с подчиненным или посторонним, каким, по существу, являлся для него этот фельдшер. Впрочем, о том же намекали и в особом отделе, где перед вылетом он проходил инструктаж и где оставил (уже не помнил, какую по счету) подписку о неразглашении. Похоже, спутников для него подобрали случайно, без должной подготовки к опасному заданию. Воспользовавшись его командировкой, вызвали тех, кого понадобилось отправить к партизанам. Хотя кто думал, что все так получится, что их сбросят не туда, куда следует, и их никто не встретит? Тем более — с его, в общем, не тяжелым, но весьма важным и секретным грузом.

— Ты где воевал? — спросил Гусаков, внимательно взглянув на сморщенное и багровое, видно недавно обожженное лицо Тумаша.